

* * *

«Расслабься, Бобров. Выдохни и расслабься. Ты член общества: ты служишь, у тебя оклад плюс бонусы, у тебя ипотека и машина в кредит, значит, ты существуешь», — он подмигнул своему отражению в зеркале. Пора было ехать на работу.

Андрей Бобров знал, что во многом он не такой, как все, и уж точно не такой, каким положено быть мужчине. Слишком уж чувствительный. Напишет кто-нибудь коммент к его посту, вроде и не обидный, но Бобров тут же начинает искать подвох. Кажется ему, что писавший хотел его, Андрея Боброва, задеть, обидеть, унижить. На такие комменты нет смысла отвечать, но Бобров весь день только об этом и думает. Что бы он ни делал, мыслями все равно возвращается к мнимому обидчику, накручивает себя, и к вечеру взрывается. Разражается гневным постом, на полстраницы, где выплескивает душу, словно младенца, вместе с грязной водой. И куда? Винет! В Дзен какой-нибудь, в эту клоаку, или в Инсту. Где нежную Бобровскую душу начинают полоскать в помоях, и ржать над этим.

На следующий день Боброву становится стыдно за свой порыв, он бросается удалять пост, а там уже накидали комментов! Еще злее и обид-

нее. И вот с неделю Андрей ходит потерянный, кипятил, не может нормально работать.

На вопрос:

— В чем дело? — огрызается:

— Ни в чем.

Потому что стыдно признаться. Ведь и в самом деле ничего же не случилось. Люди, которых он в глаза не видел, и никогда не увидит, подумали, что он дурак или психопат. Ну и что? Как изменится от этого жизнь Андрея Боброва? Да никак. Умом он это прекрасно понимал, но поделать с собой ничего не мог. Все равно кипятил. Боброву иной раз казалось, что он уникам, родившийся без кожи. Его тело — голый красный кусок мяса, по которому можно изучать сосуды, сухожилия и нервные окончания. В особенности, нервные окончания, из которых Бобров, похоже, весь и состоит. Потому что ему все время больно. Его душе. И еще он чувствует, когда надвигается катастрофа.

Вроде бы ничего не происходит, вот как сегодня. Барометр показывает сухую солнечную погоду. На небе ни облачка. Фигурально, конечно, потому что на дворе зима. Но Бобров невольно ежилась именно сегодняшним прекрасным утром, бреясь перед зеркалом. Втягивал голову в плечи, словно панцирь черепаший примерял, высунул язык, нет ли налета или покраснения, на предмет простуды и дважды порезался. Потому что *чувствовал*: грядет ... опа. Это случится не сегодня, так на днях.

Бобров потому и не женился. Современные девушки постят и лайкают направо и налево. Все они уткнулись в смартфоны. И ни одна не поймет его терзаний.

— Ты псих, да?

Именно такой реакции он и ожидал, когда дело дойдет у них с избранницей до близкого зна-

комства. В постели, когда тела насытились, наступает, как известно, момент откровений. Если, конечно, эта связь не случайная и планируется продолжение. А женитьба — это ничего себе продолжение!

Был бы Бобров при этом красавец писанный, или олигарх. Тогда бы женщины могли ему многое простить. Но внешность у Андрея была заурядная. Невысокого роста, худощавый, пепельный блондин, глаза серые. Да еще и лицо ассиметричное, что можно было бы отнести к недостаткам внешности: правый угол рта выше левого и разные зрачки. Один, левый, всегда почему-то больше, и оба расширены. О причине умолчим. Надо же такому чувствительному человеку как-то снимать стресс? Невозможно ведь жить без кожи.

По-настоящему хорош был у Боброва только лоб: высокий, белый, чистый. Поэтому Бобров не носил головного убора, даже в лютый мороз. Все эти кепки, шапки, бейсболки, презируемые им и раз и навсегда отвергнутые. Он отращивал волосы, но так, чтобы не выглядеть бродягой. Во избежание конфликтов на работе. А работал он в банке. Бобров зачесывал пряди назад, чтобы они падали эффектной волной по обе стороны его худого лица с ассиметричным ртом. Это вошло у Андрея в привычку: в минуты волнения запускать руки в волосы и раскладывать их вдоль впалых щек, словно рисуясь. Хотя делал это Бобров машинально.

Вот и сегодня, он сел в машину и первым делом разложил и разровнял волосы. Потому что нервничал. Его внутренний барометр показывал бурю. Боброву лет пять назад повезло, точнее, он сам себя повез, куда хотел. Оформил в банке, где работал ипотеку и купил квартиру практически рядом с местом работы. Куда все равно предпо-

читал ездить на машине. Мысль о том, что ему, человеку без кожи, придется тереться в метро или в троллейбусе о других людей, у которых в отличие от Боброва кожа есть, и толстая, приводила Боброва в ужас. Даже пару остановок он не мог помыслить, что кто-то начнет дышать ему в затылок, жевать над ухом, сопеть и сморкаться. А не то хамить. Еще бесили бабки, которые утром, в будни куда-то перлись. Они всегда перлись, но бесили больше по будням. По утрам, а особенно, по вечерам. Боброву хватало двух бабок, чтобы взорваться. Его оголенные нервные окончания начинали шевелиться, как щупальца у ядовитой медузы, но вместо того, чтобы насмерть жалить бабок, жалили, чуть ли не до смерти самого Боброва. Так что он почти умирал в этом вагоне метро, или в битком набитом троллейбусе.

Еще он ненавидел людей в зеленом и желтом с их квадратными рюкзаками, тоже зелеными и желтыми. Ненавидел, когда они везли клиенту пиццу. Их все ненавидели, эти пахнущие пиццей рюкзаки, но Бобров их ненавидел особенно. Ему казалось, что они именно его выбирают своей мишенью, стараются придвинуться к нему вплотную и пахнуть. Когда Боброву сказали, что пиццу стали возить в контейнерах, которые не пахнут, он не поверил. Подумал, что его заманивают обратно в троллейбус, чтобы окончательно убить его и без того чувствительную нервную систему.

А у банка была парковка для сотрудников, и Бобров был в банке на хорошем счету. Ему легко прощали опоздания, и даже прогулы, которыми Бобров, впрочем, не злоупотреблял.

Его непосредственный начальник, Карен, был его другом. Они вместе учились, но Бобров с его чувствительностью всегда легко уступал лидерство. К тому же у Карена был в банке блат. Один из акционеров был его родственником и земля-

ком, понятно, что Карена двигали. Бобров прицепился к нему вагоном и тоже поехал.

Его все в жизни устраивало.

«Я член общества, я служу, у меня ставка», — повторял он, как заведенный, цитату из «Золотого теленка». Хотя до Остапа Бендера Боброву было далеко. Да что там! Бобров совершенно не годился в авантюристы. С его болезненной чувствительностью и волосами, которые он все время раскладывал. Но зато у него был Карен. Который, едва Бобров вошел к нему в кабинет, с похоронным видом сказал:

— Банк, похоже, скоро ляжет. Поэтому работаем по схеме.

Бобров похолодел. Он понял, что настало время платить долги. Карен не просто так его двигал. Бобров был *свой человек*. А свои люди должны отработать номер. Процедура банкротства вещь неприятная, но и на ней, умеючи, можно нажиться. Бобров знал, что ему придется стать «погонщиком», они с Кареном это обговаривали. Не обговаривали только размер вознаграждения. «Не бойся, не бросим», — вот все, что обещал Карен, когда объяснял Боброву схему увода миллиардов из подлежащего санации банка. Бобров на миллиарды не претендовал, но понимал, что за такие вещи полагается уголовная ответственность. Схема была криминальной. И хотя Карен всячески заверял, что «доказать ничего не возможно», Бобров все равно ежился, когда это слушал. Его тело без кожи сплошь кровоточило. Оголенные нервы искрились, словно говоря: «Не лезь в это. Откажись».

Но отказаться было невозможно, поскольку Карен был его другом и много для Боброва сделал. В частности, Карену Андрей был обязан низким процентом по ипотеке и льготными условиями в получении кредита на машину. Проще

было сказать, чем Бобров был Карену не обязан. Поэтому он кивнул и согласился, в надежде, что банк никогда не ляжет.

А банк взял, да и лег. То есть, собрался ложиться. И собрался он это делать всерьез, так что Боброву пришлось напрячься.

... — Живей, живей, пошевеливайтесь, — охрипшим от волнения и усталости голосом командовал Карен.

За эти три дня он осип, потому что все время командовал и покрикивал. Не на Боброва, хотя и тому доставалось. На бестолковое «стадо», которое надо было прогнать через банк, чтобы ограбить государство на пару миллиардов.

Операционный зал в эти дни был похож на прядильную фабрику. «Многостаночники», эти нанятые на пару дней банковские клерки, смахивающие на огромных пауков, носились на своих паучьих лапках, будто ошпаренные, от столов к принтерам, распечатавающим документы, и обратно к столам:

- Подпишите здесь... И здесь... И вот здесь...
- Подпишите...
- Подпишите...

Бобров на эти дни стал их начальником, главным «пастухом». В его «стаде» было больше двух тысяч голов. «Верблюдов» подвозили автобусами. В основном это были азеры, но встречались и маргиналы с испитыми славянскими лицами. Вконец опустившиеся люди, некоторые даже москвичи, от которых дурно пахло, точнее воняло. Бобров загонял их в операционный зал, стараясь не дышать, и не думать о том, что он делает. Он платит долги. Ипотеку, кредит за машину. Такая цена. Выдохни и расслабься.

Банк уже решили санировать, и скоро здесь начнется масштабная проверка ЦБ, который посадит в банке свою администрацию. Грабить

государство можно и при ней, подсовывая так называемые «тетрадки». Отвлекающий маневр. «Тетрадки» — это забалансовые списки обманутых вкладчиков. Пока временная администрация с ними разбирается, «караваны» собирают деньги.

— Здесь подпишите... И здесь...

— Подпишите.

Больше «верблюдов» — больше денег. Надо открыть как можно больше фиктивных депозитов. На балансе у банка кот наплакал, но благодаря этой схеме во время процедуры банкротства его акционеры получают сотни миллионов, а может, и миллиард-два. Все зависит от ловкости Карена и Боброва, и их работоспособности. После отзыва лицензии все эти «верблюды», фальшивые вкладчики ломанутся с документами на руках в АСВ. Полученные деньги они сдадут «пастухам», а сами получают незначительное вознаграждение. Потому что они «верблюды», лохи, половина из них плохо говорит по-русски, и уж точно никто из них не понимает, что именно подписывает.

— Подпишите здесь...

— Подпишите... и здесь...

— Подпишите... — шелестело по операционному залу.

У Боброва невыносимо болела голова, тело было похоже на одну сплошную рану и саднило. Болело под мышками, болели ноги, болели глаза, будто на них постоянно давили пальцами. Боброву порою казалось, что он слепнет. *Он не хотел всего этого видеть...*

— Сынок, мне бы соточку, на опохмел.

Тетка со слезящимися глазами и дрожащей нижней губой протягивала к нему руку с грязными обломанными ногтями. Она только что «открыла вклад» на десять миллионов рублей. По-

тому что русская, москвичка, документы и прописка в порядке. Соточку на опохмел. Бобров полез в карман.

— Не вздумай, — бросил на ходу Карен. — Одной дашь — все повалят. Бабушка, потом, все потом, — сказал он тетке, которой по паспорту было сорок восемь лет, отведя руку Боброва с соткой. — Потом все будет.

Боброву который давно перестал считать, сколько денег он должен передать Карену после того, как схема будет отработана, тоже так сказали: потом все будет. Не сказали только, что такое все, в каких цифрах оно выражается?

«Я-то пастух», — думал он, глядя на суету в операционном зале. — «Мне-то заплатят нормально. Я член общества, у меня ставка».

...Настоящая зима пришла неожиданно, со снегом, и даже с морозами. Замотанный Бобров вдруг вспомнил, что через неделю Новый год. На работу можно было больше не ходить, в кабинете Боброва сидел временный сотрудник, подозревающий хозяина этого кабинета абсолютно во всем. Бобров не мог встречаться глазами с этим парнем лет двадцати пяти, который ничего еще о жизни не знал, а, может, и не узнает никогда. Сидит в чужом кабинете, смотрит честными глазами, осуждает.

«Я сам себя осуждаю», — думал Бобров. «Но мне надо как-то жить».

Он понимал, что украли так много, что история эта получит огласку. А банковская система — одна большая деревня. О схеме все узнают, и о том, кто ее провернул тоже. Когда Бобров придет устраиваться на работу в новый банк, о нем там все уже будут знать. Поговорить поговорят, чтобы удовлетворить любопытство. А, это тот самый ловкач Бобров... А вот на ра-

боту возьмут вряд ли. Хотя, кто знает? Может, им именно такие и нужны? Ловчачи.

Бобров понимал, что пора поговорить с Кареном, но боялся этого. Пора бы расплатиться. Поэтому когда Карен на ходу бросил ему:

— Зайди, — Бобров похолодел.

Стрелка его внутреннего барометра скакнула и показала «жопа». Она бы и дальше упала, эта чертова стрелка, но такой жопы, в которой он оказался, Бобров себе и представить не мог. Фантазии у него на это не хватило бы.

— Как дела? — хрипло спросил он, присаживаясь к столу, за которым сидел Карен.

Того уже тоже замещали, но из кабинета почему-то не выгоняли. Сотрудники ЦБ ходили к Карену консультироваться со своими «тетрадками», и Карен важно объяснял им, что вот он, электронный реестр, с ним и работайте. Этот реестр они состряпали вместе с Бобровым, он был насквозь фальшивым, как и улыбка Карена. При этом сам Карен жаловался, что давно уже не получает в банке зарплату, просто ему дорого его честное имя.

Бобров при этих словах ежился и смотрел в окно, где кружила первая метель. Он понимал, что его и самого закружило, он одна из этих снежинок, которая растает, если пригреет солнце. И каплей сползет по стеклу туда, где темно и сыро. Возможно уже навсегда.

— Здесь мы закончили, — деловито сказал Карен, открывая толстую папку. Бобров с ужасом подумал, что в папке его личное дело.

Но Карен отложил папку в сторону и посмотрел, наконец, на Боброва:

— Хорошая новость: твой долг списан.

— Какой долг?

— По ипотеке. Банк ее закрыл. Остался долг за машину, но ты же понимаешь: не все сразу.

— А плохая новость? — замирая, спросил Бобров.

— Ты засветился, Андрей. Тобой заинтересовался Следственный комитет.

— Меня никуда не вызывали, — хрипло сказал он.

— Пока не вызывали, — Карен нажал на «пока». — В общем, тебе надо уехать.

— Куда? — упавшим голосом спросил он.

«Бежать... За границу... Но что я там буду делать? У меня даже нет сбережений... только долги».

— У одного моего родственника есть частный банк средней руки.

— Сколько же у тебя этих родственников? — горько спросил Бобров. — Вся армянская диаспора?

— Угадал, — Карен откинулся на спинку кресла. — У банка несколько филиалов в провинции, один из них в Чацке.

— Где?!

— Город есть такой. В тамошнем банке освободилась должность начальника валютного отдела. В их дыре... Я хотел сказать, в провинции трудно найти специалиста по валюте. А у тебя образование, стаж, опыт работы, — в голосе Карена Бобров уловил насмешку. — Короче, должность твоя. Езжай в Чацк и отсидись там годок-другой.

— А ты, как я понимаю, сядешь в московский офис, — с усмешкой сказал Бобров.

— Радуйся: я по-прежнему буду твоим начальником. Буду тебя двигать.

— Где? В Чацке? — горько спросил он.

— Это неплохой вариант. В провинции жизнь спокойная, подлечишься, женишься, наконец. Зарплата у тебя будет небольшая, но ты сдашь свою московскую квартиру и заживешь в Чацке как король. Долг по ипотеке тебе погасили, — на-

помнил Карен. — Начальник валютного отдела в банке — это звучит. Да местные красавицы в очередь выстроятся, чтобы тебя заполучить. Выбирай — не хочу.

— Ты решил устроить мою личную жизнь? — зло спросил Бобров.

— Андрей, или так или никак, — жестко сказал Карен. — Выбирай.

«Они хотят убрать меня с глаз долой. Спрятать от Следственного комитета, потому что я не боец. Если на меня нажмут, я все расскажу»,

— Где хоть находится этот ваш Чацк? — горько спросил Бобров.

— Твой, Андрей. Теперь твой. Восемьсот километров от Москвы.

— В какую сторону?

— В любую.

— Шутишь, да?

— Я сам точно не знаю. Где-то там, — Карен махнул рукой в сторону окна.

— Когда надо ехать? — сдался Бобров.

— Чем быстрее, тем лучше. В банке тебя ждут.

— Им так нужен специалист по валюте?

— Угадал.

«Это вам нужно, чтобы я поскорее свалил». Он прекрасно все понимал. Понимал, что надо отказать и пойти к следователю. Надо сдать их всех и сесть. За сотрудничество с правоохранительными органами срок ему скостят.

Бобров с ужасом представил тюремную камеру, вонь параши, уголовников, которые попытаются его изнасиловать. Он почему-то был уверен, что именно так все и будет. И что в тюрьме он покончит с собой, потому что не выдержит всего этого. Не выдержит издевательств. Чацк тоже тюрьма, но там хотя бы не будут насиловать, и можно избавиться от вони. Не тереться

